

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Л. В. Кусургашева, Л. У. Лубягина

GLOBALIZATION AND THE NEED FOR DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY THEORY

L. V. Kusurgasheva, L. U. Lubyagina

В статье выделяются проявления глобализации и ее связь с развитием экономической теории. Основной акцент делается на обосновании необходимости развития теории национальной экономики. Доказывается, что любая теория является «национально нагруженной». Показана теоретико-методологическая основа национальной экономики.

The manifestations of globalization and its connection with the development of economic theory are shown in the paper. The grounds of the need for development of the national economy theory are emphasized. It is proved that any theory is “nationally burdened”. The theoretical and methodological basis of national economy is shown.

Ключевые слова: глобализация, объект и предмет экономической теории, структура экономической теории, «национальная нагруженность» экономической теории, национальная экономика, национальные интересы.

Keywords: globalization, object and subject of economic theory, structure of economic theory, “national burden” of economic theory, national economy, national interests.

В развитии современной мировой экономики, начиная с конца XX столетия, достаточно чётко обозначились две главные тенденции, которые находятся в сложном, неоднозначном, противоречивом взаимодействии: с одной стороны, отмечается ускоренный процесс интеграции экономической деятельности, с другой – нарастание дезинтеграционных процессов, которые находят выражение в региональной обособленности, формировании локальных объединений стран-соседей. Оба эти феномена, не новые для международной экономики, обозначились довольно давно. Однако в последние десятилетия эти процессы приобрели ряд новых содержательных моментов.

Во-первых, происходят кардинальные изменения в производительных силах. Всё более доминирующим становится информационный тип технико-экономических взаимосвязей, что позволяет говорить о так называемой «новой экономике», новом информационном, «технотронном» этапе в развитии человечества.

Во-вторых, широкие возможности информатизации выступают фактором расширения процессов интернационализации хозяйственной жизни. В частности, результатом использования прогресса в сферах телекоммуникационной связи и транспорта явилось объединение разных видов рынков, начиная с рынка товаров, услуг, информации и кончая финансовым рынком. Это даёт повод многим экономистам говорить о формировании в мире единого глобального пространства.

В-третьих, усиление процессов либерализации значительно повлияло на расстановку сил в мировой экономике. Формирование полицентризма в мировой экономической и политической системах обусловило нарастание процессов дифференциации между различными странами.

В-четвёртых, на фоне движения к единению мира резко обострились проблемы планетарного масштаба: экологические, продовольственные, а также пробле-

мы экономической и социальной безопасности человечества.

В-пятых, по мере либеральных реформ произошла резкая смена статуса стран бывшего социалистического лагеря, например, превращение России в «сырьевой придаток» Запада.

Выше названные явления, характерные для сегодняшней мировой экономики, называют «постиндустриальными», «постэкономическими» тенденциями, проявлениями противоречий глобализации, «вызовами» глобализации, содержанием глобальных процессов, «кризисом глобализации» и т. д. Интерес к этим глобальным явлениям устойчиво сохраняется уже третье десятилетие со стороны учёных самых различных отраслей знаний. Вместе с тем остаются открытыми вопросы, связанные с пониманием объективной сути глобализации, её противоречий, проявлений, кризисного характера, влияния на социально-экономическое развитие отдельных стран и исторический ход мирового сообщества в целом. Остаётся актуальным поиск путей преодоления глобальных противоречий, устранения негативных последствий глобализации, освобождения её от неолиберального влияния; формирования условий для перехода к новой парадигме мирохозяйственного устройства, ориентированного на социальный прогресс. Неоднозначной является также трактовка взаимосвязи глобализации и неолиберальной политики, а через последнюю – влияния глобализации на развитие экономической теории.

Экономическая теория возникла и развивается до сих пор через разрешение противоречий, имеющих как онтологическую, так и гносеологическую природу. И при этом есть в ее структуре такие проблемы, которые не исчезают и не разрешаются на всем протяжении ее истории. Одной из таких «вечных» проблем является соотношение общего (универсального) и особенного (специфического). Широко распространенное и всячески поддерживаемое мнение об

универсальности современной экономической теории является, на наш взгляд, мифом, догмой, преодоление которой необходимо для обретения научным сообществом прочных ориентиров в развитии своей науки.

Под «современной экономической теорией» будем понимать ту ее ветвь, которая получила развитие в результате маргиналистской революции и которая под именем «экономикс» доминирует в настоящее время в научном и образовательном процессах не только в западных странах, но и в России.

Можно констатировать, что экономикс переживает сегодня не лучшие времена: глобальный кризис 2008 – 2010 гг. резко обозначил (для «публики») основную ее «порок» – отрыв теории от практики. Именно здесь кроется причина того, в чем упрекают сегодня экономистов – в том, что они оказались не в состоянии ни предвидеть кризис, ни выработать эффективных рекомендаций по его преодолению. В странах догоняющего развития, к которым относится и Россия, неадекватность современной экономической теории практике *стоит* острее, чем в странах с развитой рыночной экономикой, хотя и в последних ее абстрактность, нереалистичность и в конечном итоге несостоятельность с точки зрения выполнения ею практической функции были осознаны в академических кругах и неоднократно подвергались критике как минимум со времен «спора о методе».

Осознавая всю меру ответственности экономической науки и не пытаясь защитить «современных экономистов», отметим, что проблема отрыва теории от практики – это, конечно, недостаток и, может быть, даже «порок» экономической теории, но такой, от которого невозможно избавиться, оставаясь в ее рамках. Можно и так сказать, что это – ее родовое свойство, присущее ей в силу специфики теоретического знания вообще и усугубленное исходными методологическими принципами, определяющими формирование ее предмета.

Дело в том, что экономика как объект экономической теории, будучи сложным феноменом, не может изучаться непосредственно, так, как она представляется обыденному взгляду. В этом случае она была бы простым нагромождением многочисленных реальных объектов и вещей (фабрик и заводов, мостов и дорог, товаров и т. п.), явлений и процессов (спроса, предложения и цены, инвестирования, разделения труда и т. п.), субъектов (потребителей и производителей, рабочих и капиталистов, домохозяйств и т. п.). Чтобы привести все это хоть в какую-то систему, требуется применить специальные методологические приемы для создания определенной теоретической схемы, исходные признаки которой должны выражать существенные черты («всеобщность») исследуемой области реальной действительности. Так формируется предмет науки.

Следует подчеркнуть, что отношение объекта и предмета науки не сводится к отношению целого и его части. Объект – это реальная действительность, подлежащая исследованию данной наукой. Предмет – это тот же объект, но теоретически преобразованный

тем или иным способом (зависящим от методологии) в некую схему или модель, отражающую основные характеристики исследуемой реальности. Очевидно ведь, что наука имеет дело не с объектом как таковым, а с его отражением в определенных понятиях, категориях, законах и т. д. Иными словами, при переходе от объекта к предмету происходит то, что философы называют «идеализацией» объекта. При этом предмет, будучи идеализацией её объекта, существует объективно. Но не в том смысле, что он существует до, вне и независимо от человека, его воли и сознания. Предмет объективен как представитель реального объекта, воспроизводящий в общественном сознании его всеобщие, универсальные черты и закономерности.

Суммируя, можно сказать, что при формировании предмета экономической теории происходит двойное абстрагирование. Первое связано с вычленением из всего многообразия общественных связей экономической деятельности, второе – с выделением ее существенных черт, которые придают ей единство и целостность. При этом на обоих этапах происходит исключение национальных особенностей отдельных стран, имеющих как экономическую, так и неэкономическую природу. В итоге мы получаем некую модель экономики, которая, как считается, позволяет выявить свойства, черты и закономерности, носящие универсальный характер. Отсюда ясно, что универсальность теории обеспечивается её методом, поскольку именно он определяет общие принципы изучения реального объекта и тем самым построения его теоретической схемы (предмета).

Не вдаваясь во все сложности и тонкости построения предмета экономикса, отметим, что характерный для него гипотетико-дедуктивный метод не позволяет выявить всеобщую связь в экономике и тем самым построить предмет, адекватно отражающий ее универсальные закономерности.

Еще раз подчеркнем, что национальная экономика во всем богатстве своего содержания не является и не может являться непосредственно предметом экономической теории. В то же время практика хозяйствования (в широком смысле слова) ждет от экономической теории прогнозов и рекомендаций, именно в этом видя ее смысл и предназначение. Но из универсальной теории, понимаемой в контексте экономикса, могут следовать лишь универсальные, одинаковые для всех стран и на все времена выводы. И при этом они неизбежно носят идеологический характер, поскольку экономическая теория и по своему строению, и исторически является «идеологически нагруженной» [3, с. 72].

Исключение национальных особенностей экономического развития из предмета экономической теории является первым фактором, вызывающим необходимость развития особой науки – теории национальной экономики или национальной экономии.

Вторым таким фактором выступает тенденция к усложнению структуры экономического знания (науки) или, в более жесткой формулировке О. Ананьина, его фрагментация. Он утверждает, что «после того, как обрели силу новая историческая школа и в особенности маржинализм, экономическая наука перестала быть единой научной дисциплиной» [1, с. 51]. Действительно, не только экономическая наука в целом, но и современная экономическая теория представлена множеством различных подходов, школ и направлений: монетаризм, школа рациональных ожиданий, теория предложения, посткейнсианство, новые неоклассики, новые кейнсианцы, эволюционная экономическая теория, «старый» институционализм и новая институциональная экономическая теория, поведенческая экономика, экспериментальная экономика и т. д.

Однако, несмотря на многообразие различных подходов и школ, в экономической теории существует не конкуренция, а монополия одной парадигмы, которая выражается таким концептом, как «mainstream economics». Монополия в любой области, как известно, несет в себе отрицательные последствия. В экономической теории она привела к нарастающему отрыву теории от практики («нарастающий» – поскольку он заложен изначально при формировании предмета). Дело в том, что развитие «нормальной науки» (Т. Кун), а именно такой период наступил после маржиналистской революции, идет преимущественно благодаря внутренним факторам (внутренняя логика развития понятий и категорий) или путем «перехода от одной идеи к другой» (М. Блауг). «Переход от одной идеи к другой» – это и есть формализм, уводящий теорию от ее реального объекта. В данном случае можно говорить об экстенсивной форме развития науки (в противоположность интенсивной форме, происходящей в рамках научных революций), способствующей кумулятивному накоплению знаний. Содержание науки должно соответствовать её предмету и методу. Поэтому экстенсивное расширение знаний возможно только в рамках доминирующей парадигмы и поэтому кумулятивное развитие характерно именно для периода «нормальной науки». Такой процесс, действительно, «нормален», но одновременно он, чем дальше, тем больше уводит экономическую теорию от практики, от анализа реальных экономических систем.

В известной мере существующее в современной экономической науке многообразие школ и направлений выступает как форма разрешения противоречия теории и практики. Особенно ярко это выражается в широком распространении прикладных социально-экономических исследований. Развитие эконометрических исследований, формирование таких отраслей экономического знания, как теория отраслевых рынков, экономика труда, новая институциональная экономическая теория и др., в конечном итоге обуслов-

лено необходимостью приблизить абстрактную теорию к конкретной практике хозяйствования, поскольку с точки зрения долгосрочной стратегии экономического развития необходима не абстрактная («чистая»), а конкретная (прикладная) теория, отражающая особенные, специфические условия и ограничения данной страны на данном этапе ее развития.

Однако следует подчеркнуть, что фундированность идеи национальной экономики в современных условиях predetermined не столько гносеологически, сколько онтологически: необходимость ее оправдывается сегодня не бедностью предмета экономической теории и не усложнением ее структуры (хотя и этим тоже), а важностью обеспечения экономической безопасности России и, прежде всего, её выживаемости, а также занятием ею достойного места в мировой системе.

Речь идет о двух взаимосвязанных обстоятельствах. Во-первых, внимательное изучение истории экономической мысли позволяет сделать вывод, что любая теория, даже самая казалась бы абстрактная и «общечеловеческая», выражает и защищает интересы определенной нации (или наций в силу совпадения исторических условий существования и развития), то есть является «национально нагруженной» или даже «национально ангажированной».

Обычно экономисты не задумываются об этом или же вообще отвергают мысль о «пятом пункте» своей науки. Однако существует и получает все больше сторонников другой подход, в той или иной степени признающий национальные интересы в качестве фактора эволюции экономической мысли. «Национальный фактор, – пишет Ю. Я. Ольсевич, – далеко не единственный из детерминирующих теорию; однако если различные теории чем-то различаются, а в чем-то совпадают, то за этим следует искать прежде всего различие или совпадение национальных экономических интересов» [6, с. 246].

Наиболее яркий пример «национальной нагруженности» экономической теории – английские классики-фритредеры, выразившие в своей теории интересы нации, добивавшейся свободной торговли для установления мирового господства, или представители немецкой исторической школы – протекционисты, осознавшие невыгодность и пагубность для своей нации этой самой пресловутой свободы. Точно также современная неолиберальная глобализация – это «американский проект», выражающий и защищающий интересы глобального финансового капитала, сконцентрированного в США. Считать, что в этом «проекте» как-то учитываются интересы «периферии» – значит, закрывать глаза на реальное положение дел.

Мировое хозяйство никогда не было ареной равноправных экономических отношений, характеризующихся эквивалентным обменом, свободной конкуренцией и равной эффективностью для всех участвующих в нем субъектов. В настоящее время можно

считать доказанной иерархичность мирового хозяйства; в частности с точки зрения мир-системного подхода выделяют «ядро» (центр), полупериферию и периферию. США (центр мировой иерархии) вместе с другими развитыми странами характеризуются чаще всего как постиндустриальные. Как показал А. С. Скоробогатов, постиндустриальные страны обладают экономическими и политическими преимуществами, которые позволяют им извлекать всю или большую часть выгоды от обмена в рамках международных экономических отношений и сохранять при этом статус кво [8, с. 23 – 24]. Добавим: помогает им в этом современный мейнстрим, теоретически обосновывающий «естественность», выгодность и эффективность свободного рынка, свободной конкуренции и навязывающий всему миру свою идеологию.

Следствием неравномерности развития и иерархичности построения мирового хозяйства является также невозможность для «периферийных» стран изменить в лучшую для себя сторону сложившееся положение дел. Хотя в последнее время высказывается мнение о том, что мировая иерархия претерпевает изменения, но речь идет о смене лидера, что является, видимо, закономерным для капиталистической мир-системы. А вот выбиться из «гетто» отсталости, основываясь на принципе «догоняющего развития», как показывает исторический опыт, невозможно. Для России критически важно осознание того, что деиндустриализация ее экономики, явившаяся результатом проведенных в России в 90-е годы рыночных реформ и выразившаяся в разрушении основных элементов индустриального типа воспроизводства и становлении ее устойчиво сырьевой ориентации, в сочетании с тяжелыми социальными проблемами и тотальной коррупцией, обуславливает смену вектора дальнейшего развития. А это требует теоретического осмысления состояния и тенденций развития российской экономики, основой чего не может быть в силу указанных обстоятельств западная экономическая теория, идеологически и национально «нагруженная».

Во-вторых, глобализация в ее нынешней модели ведет к абстрагированию (онтологически!) от всего специфически национального; не только к стиранию экономических границ, игнорированию национальных интересов, но и к конструированию новой, «глобальной» системы ценностей, норм поведения, традиций и пр. Это является основой углубления неравенства стран, возникновения национальных конфликтов и отторжения незападными цивилизациями действительно общечеловеческих, универсальных ценностей. Вместе с тем, как совершенно справедливо замечает В. Рязанов, «...национально-цивилизационные факторы фактически исключаются из числа тех, которые должны учитываться при изучении особенностей экономического развития и при разработке экономической политики» [7, с. 4].

Таким образом, объективная «бедность» предмета экономической теории, закономерности ее экстенсивного развития, приведшие не только к ее математизации и формализации, но и к усложнению структуры экономической науки, а также тенденции развития современного мирового хозяйства делают необходимым развитие теории национальной экономики или национальной экономии.

Основная методологическая проблема, возникающая при концептуальном рассмотрении национальной экономии в качестве отдельной дисциплины, – это определение ее предмета. Несмотря на довольно часто встречающиеся понятия «национальная экономика» и «национальная экономия», их значение остается до сих пор неопределенным. Анализ учебников по национальной экономике показывает, что в большинстве из них предмет формулируется простым перечислением составных элементов ее или проблем, рассматриваемых в ней. Очевидно, что объектом национальной экономии, если понимать под этим теорию национальной экономики, выступает реальная экономика той или иной страны на данном этапе ее развития, взятая в совокупности всех условий и факторов, определяющих ее особенности и отличия от других национально-особенных экономик. Определение предмета зависит от того, какая методология используется при выделении исходного элемента или закономерной связи, порождающей и объединяющей все особенные явления и процессы данной системы в единое целое.

Если исходить из того, что:

а) в экономической науке на сегодняшний день уже существуют два подхода к выделению «всеобщего» в экономике и, соответственно, два подхода к определению предмета экономической теории – политическая экономия и экономикс;

б) национальная экономия – это раздел (часть) экономической теории (так считает большинство сторонников выделения ее в отдельную дисциплину), то ее предмет может быть определен либо в рамках политической экономии, либо в рамках экономикса.

Только таким образом национальная экономия получает прочную теоретико-методологическую базу и получает возможность выявить закономерности развития национального хозяйства, которые при определенных условиях приобретают статус универсальных.

Положение о том, что экономикс – не универсальная (всеобщая) наука, можно считать доказанным. Эта ограниченность мейнстрима в известных пределах преодолевается, как было уже сказано, разработкой прикладных социально-экономических исследований. Для нашей отечественной науки в этом смысле большую роль играет институционализм, который не без некоторых оснований именуется «новой парадигмой» отечественной экономической теории.

Институционализм, ставя вопрос о возникновении и развитии институтов и исследуя их, видимо, способен дать ответ о том, какова их национальная специфика. Но в методологическом плане он ограничен определенными пределами. Представляется, что пределы эти задаются, с одной стороны, тем, что от утверждения «институты имеют значение» легко перейти к формуле «только институты имеют значение». И тогда от экономической теории как самостоятельной науки ничего не остается, она превращается в плохо определяемое междисциплинарное пространство со многими возможными векторами развития. С другой стороны, институциональный подход в экономической теории – это все же не самостоятельная парадигма, а дополнение к господствующей неоклассике, призванное заполнить ее явные «пробелы». Как таковой современный институционализм базируется на единых с неоклассикой методологических основаниях со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все это ставит под сомнение и вопрос о создании национальной экономики как целостной теоретической дисциплины на базе экономикса, хотя бы и дополненного институционализмом.

В рамках политической экономики национальная специфика, также как и в экономиксе, не учитывается. Однако, если экономикс, как было показано выше, вообще, в принципе, не содержит в себе возможности для изучения конкретных, исторически развивающихся национальных экономических систем, то политическая экономика, на наш взгляд, содержит в себе такие потенции.

Следует отметить, что в истории общественнознания, в том числе отечественной и в том числе современной, неоднократно обсуждалась проблема актуальности политической экономики К. Маркса. В процессе дискуссий выявлялись разные смыслы и акценты этой проблемы, среди которых немаловажную роль играет вопрос о всеобщности (универсальности) экономического учения К. Маркса. В конце XIX – начале XX вв. в России речь шла о применимости теории Маркса, точнее – ее революционных выводов – к отсталой по европейским меркам российской экономике. В сегодняшних дискуссиях акцент сместился в сторону применимости марксистской теории к анализу современных проблем. Но вопрос о создании национальной политической экономики (теории национальной экономики на основе политической экономики К. Маркса) не ставится (по крайней мере, в явном виде). Видимо, для большинства такая актуализация идей Маркса равносильна признанию наличия «пятого пункта» у экономической теории и потому неприемлема. Тем более что у самого Маркса есть, казалось бы, четкое и недвусмысленное указание на этот счет: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [5, с. 9]. Это означает, что с точки зрения марксистской теории страны (национальные экономики) раз-

личаются по степени развития (ступени) единого для всех (универсального) исторического процесса. Или, как говорит О. Ананьин, «...Маркс свел разнообразие институтов в пространстве к их разнообразию (изменчивости) во времени» [1, с. 78]. С другой стороны, подчеркивая специфику своего метода (историзм), К. Маркс отмежевывался от тех, кто рассматривал его исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе как историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому «роковым образом обречены идти все народы» [4, с. 120]. Из данного высказывания следует, что Маркс не претендовал на создание всеобщей теории исторического развития. Так что позиция К. Маркса не так однозначна, как может показаться на первый взгляд, и, по-видимому, он признавал наличие таких специфических особенностей, которые способны отклонить развитие той или иной страны от «генеральной линии».

Как известно, метод исследования К. Маркса может быть охарактеризован как движение от абстрактно-всеобщего (стоимость) к конкретно-всеобщему (конкретные формы капитала). При этом предмет изучения не конструируется, исходя из абстрактных предпосылок, допущений и условий (*homo economicus*, равновесие, *ad hoc*, *ceteris paribus* и т. д.) или идеально-типических форм, а берется из самой реальности. Именно поэтому политическая экономика содержит в себе потенциальную возможность исследования реальной национальной экономики. Однако капиталистический способ производства, как он представлен в теории К. Маркса, это, на наш взгляд, все же теоретическое конкретно-всеобщее (модель, определенная картина исследуемой реальности). Это дает основание современным методологам характеризовать восхождение от абстрактного к конкретному у К. Маркса как систему «встроенных» одна в другую теоретических моделей разного уровня общности [1, с. 77]. На наш взгляд, это дает основание рассматривать ее (теорию К. Маркса) как метод анализа национальной экономики, как основу для создания такой теории, в которой сделан необходимый последующий шаг к практике.

В признании принципиальной возможности выхода на анализ национальной экономики заключается первая особенность политической экономики как ее теоретико-методологической основы. Исходя из этого, предмет национальной экономики определяется как производственные отношения конкретной страны.

Вторая особенность связана с изменениями, происходящими в мировой экономике. Во времена К. Маркса мировое хозяйство как целое еще только складывалось, и закономерности, присущие ему, не проявились в полной мере. В то же время очевидно, что последние способны существенно модифицировать общую картину экономической реальности и соответственно внести коррективы в ее теоретическое отображение, в том числе и прежде всего – на нацио-

нальном уровне. Во времена Маркса эта проблема не была практически актуальной. Формирование целостного мирового хозяйства и инверсия внутренних и внешних закономерностей обуславливают включение внешних производственных отношений и национальных интересов в предмет национальной экономики.

На современном этапе общенациональные интересы заданы реальными условиями существования российского государства. А именно: внешние факторы: глобализация мирового хозяйства, переход (или начало перехода) развитых стран на рельсы постиндустриального (или неоиндустриального) развития, разрыв в уровнях экономического развития России и развитых стран, чрезмерная открытость экономики России, тенденция превращения России в сырьевую периферию мировой экономики, усиление импортной зависимости страны, геополитическое положение России и т. п.; внутренние факторы: особенности природно-климатического положения и демографического состояния страны, ослабление её национально-государственной, политической и экономической силы, неразвитость рыночных механизмов координации, преобладание монополий и монополярная власть кланово-корпоративных структур, разрушенный производственный потенциал (деиндустриализация), утрата (по большей части) «человеческого капитала», сжатие внутреннего спроса, тотальная коррупция и т. п.

Если исходить из этих объективных условий, национальные интересы России концентрируются, как

считают многие специалисты, вокруг обеспечения достойного места в целостной мирохозяйственной системе. В условиях глубокой структурной перестройки мирового хозяйства, углубления в нем противоречий, несовпадения национальных интересов и интересов «рыночных фундаменталистов», отсутствию единства в понимании национальных интересов особую роль должна сыграть политическая экономия, ибо её инструментарий позволяет выявить объективные условия формирования национальных интересов и разработать практические рекомендации по их реализации. И именно с этой точки зрения следует оценивать необходимость и дальнейшую судьбу национальной (русской) политической экономики. Национальная экономия вырабатывает теоретические основы развития экономики России как целого на данном историческом этапе, исходя из защиты общенациональных интересов.

Задача создания национальной (политической) экономики в указанном смысле всегда стояла перед отечественными экономистами. Более того, она довольно успешно развивалась в конце XIX – начале XX вв. и развивается сейчас в трудах многих и многих экономистов, доказывающих пагубность «шоковотерапевтических» реформ, обосновывающих необходимость смены вектора развития российского общества и показывающих конкретные пути вывода России на новые рубежи.

Литература

1. Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9.
2. Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? // Вопросы экономики. 2001. № 2.
3. Кусургашева Л. В., Лубягина Л. У. Практический смысл экономической теории // Вестник российского государственного торгово-экономического университета. 2010. № 1 (39).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
6. Ольсевич Ю. Я. Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М., 2007.
7. Рязанов В. Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.
8. Скоробогатов А. С. Перспективы постиндустриального общества в России в свете иерархичности национальных и региональных экономик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Том 6. № 2.

Информация об авторах:

Кусургашева Людмила Васильевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики Кузбасского государственного технического университета, kusurgashevalv@mail.ru.

Ludmila V. Kusurgasheva – Doctor of Economics, Head of the Department of Economics, Kuzbass State Technical University.

Лубягина Лидия Устиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Кемеровского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, lubyaginal@mail.ru.

Lidiya U. Lubyagina – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of World Economics, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 22.09.2014 г.